

<http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ZmR6In-Ю6w> (дата обращения: 17.11.16).

Хрящева Н.П. Распутин и Платонов: семантика кладбищенского хронотопа // *Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Валентина Григорьевича Распутина, Иркутск, 15–17 марта 2012 г.* / отв. ред. И.И. Плеханова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. С. 162 – 173.

Хрящева Н.П. Распутин и Платонов: трансисторичность «Котлована» как символа пустосозидания // *Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы: монография / Т.Е. Автухович и др.; ред. И.И. Плеханова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. С. 143 – 157.*

УДК 821.161.1-1(Кучерявкин В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445

М.Е. Панина

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

СВЯТЫЕ (ПУШКИНСКИЕ) ГОРЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ВЛАДИМИРА КУЧЕРЯВКИНА¹

Аннотация. Целью статьи является анализ образа Святых (Пушкинских) гор в поэзии Кучерявкина. Исследуются элементы данного образа и стратегии его создания. Особое место уделено понятию «пушкинский текст».

Ключевые слова: «пушкинский текст», поэтические образы, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество.

Владимир Кучерявкин – петербургский поэт, лингвист, переводчик. Его поэзия совмещает иронию и какую-то детскую доверчивость миру, непосредственность и филологическую

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Русский язык» на 2016-2020 гг., соглашение № 16.W18.25.0007.

изошренность. Он испытал в свое время влияние Сен-Жон Перса и Паунда, его называют продолжателем традиции поэзии диссонансов Вагинова [Скидан 2013: 28, 25], его стихи хранят увлечение японской и китайской поэзией. Интонация Кучерявкина – интонация лирика, которого мир очаровывает и огорчает, но самое главное – этот мир наполнен видимым и слышимым смыслом, и в нем есть душа.

Владимир Кучерявкин – поэт петербургский, но его «петербургские тексты» живут не гулом прошедших столетий. Как полагает Б. Шифрин, трудно охарактеризовать место этого поэта в сегодняшнем литературном Петербурге – это потому, что в его поэзии переживание здесь и сейчас становится столь реальным, что не хочется говорить о «месте в литературе» и о «ее сегодня» [Шифрин 2006: 3].

Хотя поэзия Кучерявкина тяготеет к принципам модернизма, любимый его автор – Пушкин. Помимо стихотворений, где рисуется образ самого Петербурга, у Кучерявкина есть большой массив «деревенских стихотворений», причем «деревня» здесь – «Святые горы», неоднократно прямо названные в тексте, обозначенные в заголовках стихов или циклов. Святые горы – Пушкинские Горы (Михайловское, Тригорское). Пушкин, человек и поэт, осмысливается современным автором, проводящим лето в тех же местах, как дух-покровитель, *genius loci*.

Как же «пушкинский текст» осмысливается в творчестве Владимира Кучерявкина, современного петербургского поэта? Прежде всего, бросается в глаза, что он упорно использует топоним «Святые горы», а не «Пушкинские Горы». Название это устаревшее, что свидетельствует о том, что Пушкин в восприятии Кучерявкина не официально «утвержденный» в литературоведении национальный гений, а близкий друг-поэт, «земляк», гулявший по тем же рощам и берегам Сороти. Отношение к Пушкину очень теплое, родственное, домашнее.

В Святых горах герой Кучерявкина проводит летние месяцы, полные творческого досуга, бесшабашного веселья дружеских пирушек, одинокого гулянья по окрестностям, нехитрого деревенского труда. Об этом свидетельствует,

например, стихотворение «Утром ранним, когда вечерние голоса еще не остыли...»:

Утром ранним, когда вечерние голоса еще не остыли,
Встаю от постели, нагой и, скорей всего, чуточку пьяный.
На слепую луну гляжу, над домом набрякшую слепо,
И по дому бреду, неодетый, прекрасный, желанный.

Потом уж, одевшись и выпивши сладкого чаю,
В горы Святые бежим с товарищем златокрылым
Вина закупить и птиц, и напиток в его тонкостенном сосуде;
Сладостей разных поесть, чтоб душа разыгралась.

По возвращению запалим костер, птиц на угольях изжарим,
Выпьем еще, сдвигая над лесом стаканы,
Заулыбаемся оба, будто прекрасней планеты
С рождения не видали и больше вовек не увидим.

К вечеру набегут большеглазые теплые гости,
Сигарет закурят, расскажут про сныть-траву, и окуня-рыбу,
Разбредутся по саду, собирая смородину отвлеченно и гордо,
Как бы не замечая ягоды той пахучей.

[Кучерявкин 2001: 50]

Стихотворение сочетает в себе высокую лексику («златокрылый», «сбирать», «тонкостенный сосуд», «сдвигая») и просторечия («закупить», «набрякшую», «запалим»), что снижает высокий пафос; парные конструкции («сныть-траву», «окунь-рыба») напоминают о фольклорной традиции. Автопортрет обрисован с иронией («неодетый, прекрасный, желанный»), деревенское безделье здесь представлено как подобие дионисийского пира.

Часто встречающийся в стихах Кучерявкина мотив вина не только снижает образ поэта-Орфея, которому внимают рощи и поля, но и определяет своеобразную, несколько деформированную оптику его поэтического мира, полного метаморфоз и мягкого гротеска. Мотив вина наделен богатой культурной памятью, связан он и с творчеством Пушкина. М.В. Строганов отмечает: «Как показывает читательский опыт, вино в литературе с давних времен есть основа для создания всяких метафор. Полный бокал вина – это метафора полноты жизни,

любви. Выпитый бокал вина – метафора, соответственно, уходящей жизни, любви. Ср. у Пушкина сложную метафору “праздник Жизни”:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа...» [Строганов 2001]

А.Ю. Веселова подчеркивает внутреннюю противоречивость мотива вина, также ссылаясь на стихотворение Пушкина [Веселова 2001]:

Вино
(Ион Хиосский)

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Шумный зачинщик обид. Милый заступник любви.

В традициях пушкинских элегий, таких, как «...Вновь я посетил», Кучерявкин нередко использует белый стих (ямб без рифмы), предложения объемные, сложные, передают интонацию неторопливого наблюдения или раздумья. Вместе с тем, отсутствие рифмы придает размеренность, некоторую строгость интонации. Белый стих у Кучерявкина сохраняет ощущение близкого живого общения, что свойственно разговорной речи.

Перекликается с пушкинской поэзией и мотив осени. В стихотворениях Кучерявкина осенняя грусть героя вполне по-пушкински разрешается в творчестве. Приведем пример:

*И взглянул я, и вот светлое облако...
Откровение*

Всё дольше ночи, всё короче дни.
Влажнее воздух, тяжелей дыханье,
Поля пустеют, и коричневое масло
Кольшется в глазах раздутой бабы,
По борозде топчущей, и слышно,
Как покидают нас расчётливые птицы,
Разумные расчётливые птицы –
То осень тихо поднимает серп
И мне в лицо уставилась, но медлит,

Пока гляжу на облака, пока
Гуляет по бумаге умная рука.
[Кучерявкин 2001: 78]

В стихотворении рисуется постепенное движение осени – длинные ночи, короткие дни, «воздух влажнее», «тяжелей дыханье», «поля пустеют», птицы «разумные» улетают в теплые края. В стихотворении осень олицетворяется в образе крестьянки, «раздутой бабы», как бы воплощающей дородную осень, с ее обильным урожаем. Также данный образ ассоциируется с усталостью от летнего зноя и осенних трудов. В образе крестьянки акцентированы карие глаза («масляные»), которые по цвету сочетаются с осенним пейзажем, с коричневой опустевшей бороздой на поле. Осень-трудолюбивая крестьянка поднимает свой серп и готова приступить к жатве. Но, в то же время, она медлит и дает лирическому герою насладиться облаками, возможностью творить и писать. Вместе с тем, эпиграф из Откровения побуждает увидеть в образе крестьянки-осени аллегория Смерти, которая уже близко, занесла серп – но медлит, не желая прерывать творчество. Такое соединение конкретики пейзажа с философским обобщением продолжает традиции пушкинских элегий.

Картины осени в стихах Кучерявкина перекликаются со знаменитыми пейзажами Пушкина («19 октября», «Осень»). Можно отметить, что для обоих поэтов осень приобретает антропоморфный образ. У Пушкина это образ нежный, легкий, обреченный:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева...

[Пушкин 2009: 34]

Осенняя жизнь для героя Кучерявкина – пора домашней работы, заготовок всего необходимого на зиму, что соответствует «опрошенному» облику современного поэта, живущего плодами рук своих. Для лирического героя Пушкина осень – это время вдохновения, творчества, одиноких прогулок, созерцания и раздумья. 19 октября – Лицейская годовщина, праздник дружества. Для лирического героя Кучерявкина деревенская осень также насыщена мотивами встречи с друзьями, счастья и праздника. Важно, что во время дружеских пирушек или совместных прогулок они читают именно строки Пушкина: «А то вот, дыхание затаив, слушают Пушкина дивные звуки / Звучащие в этих местах по-осеннему дико...» [Пушкин 2009: 67].

Неторопливой деревенской жизни в стихах Кучерявкина противопоставлен мотив пути. Дорога, как правило, связана с поездкой на лето в деревню или с осенним возвращением в Петербург. В стихотворении «Поездка в деревню» [Кучерявкин 2002: 43] преобладает мотив дискомфорта, холода. Небо, посылающее ненастье, сравнивается с «хмурым молодцом» (фольклорный образ), а по контрасту ненастье сравнивается с «комиссией». Автобус представлен хрупким, бумажным, как будто его можно легко порвать. По дороге лирический герой видит пустую избушку, брошенную, одинокую, кивающую головой, несомненно, здесь аллюзия к образу «нашей ветхой избушки» из стихотворения Пушкина «Зимний вечер». А далее в стихотворении упоминаются полосатые версты, приветливо кивающие герою в пути, а читателю «кивающие» на пушкинские же «версты полосатые». Таким образом, даже ситуации приезда и отъезда из Святых гор описываются на фоне пушкинского творчества, упомянутые детали (версты, избушка) словно бы намекают, не дают забыть о том, что центр поэтического мира – именно «святые» Пушкинские Горы.

Стихотворение «В автобусе...» [Кучерявкин 2002: 121] рисует возвращение из деревни в Петербург. Автобус набит баулами, мешками с урожаем. Лирический герой наблюдает, как мчатся облака на юг, в сторону, противоположную Петербургу, в котором предстоит герою провести зиму – и как бы хотелось герою отправиться за облаками! Но мотив из Лермонтова опять-

таки сочетается с пушкинскими образами: лес роняет свои «желтые покровы». В отличие от Пушкина, который использует эпитет «багряный», Кучерявкин подбирает более нейтральный, менее пышный желтый цвет. Но слово «покровы» – пушкинское. Солнце редко выглядывает из-за туч, а в небо уже наполнено снегом (ср. «уж реже солнышко блистало...»).

Есть и заметные отличия в «дорожных» образах и настроениях у героев Пушкина и Кучерявкина. Пушкин показывает путь героя в зимние месяцы («Зимняя дорога», «Дорожные жалобы»), у Кучерявкина – летние и осенние месяцы связаны с дорогой. Поездка лирического героя Пушкина в деревню окрашена меланхолическим настроением. Его радуют лишь мимолетные впечатления, такие, как звон колокольчика, природа вокруг спящая, она не приветствует героя, которого согревает только мысль о долгожданной встрече. Лирический герой Пушкина очень хочет домой, в Петербург. В деревне он устал, и в дороге его посещают мысли о смерти. В стихах Кучерявкина дорога в деревню – это летящий путь в счастливую деревенскую жизнь отпускника, его приветствуют избушки и версты, образы сказочны и метафоричны. Обратная дорога для героя Кучерявкина – это тоже радостное возвращение в Петербург, к любимой работе. Хмурый осенний пейзаж не омрачает поездку, лишь оттеняет настроение.

Так, в стихотворении Кучерявкина «Прощай. Прощай, деревня...» [Кучерявкин 2002: 145] представлено расставание с деревней, совсем потонувшей от дождей, перед возвращением в город. Лирический герой прощается со всеми развлечениями, что были у него в деревне: с «грибами под соснами», «святыми рыбами» (выражение «святые рыбы» имеет сакральный оттенок, т.к. греч. Ихтиос переводится как Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель; также рыбы – символ глубинного подсознания личности, обновления природы, покорности).

Прощается лирический герой и с «расхристанным» домом (то есть растерзанным – старым, полуразрушенным, неприбранным), с грядками в огороде, садом. Далее в стихотворении описывается поездка в Петербург. По пути наблюдается широкая картина – реки, птицы, березы,

Селихново (деревня в Пушкиногорском районе Псковской области). Все движется вокруг, кроме осени – она статична. Позади остаются бражники (крупные бабочки, с мощным, часто конусовидно заостренным на конце телом и узкими вытянутыми крыльями), но сказано, что бражники «побрели» домой, поэтому бражники тут еще и обозначение любителей выпить. И вот уже город за лесами: автор использует прием метафоры – «Петербург рукою машет за лесами».

Подводя итоги, отметим выявленные параллели, свидетельствующие о сознательной ориентации Кучерявкина на «пушкинский текст». Названия (Святые Горы, Селищево, Сороть, Савкино, Михайловское) и памятные даты (празднование дня рождения Пушкина), прямо названные строки пушкинских стихотворений, чтение стихов Пушкина в кругу друзей – все это прочно помещает летний досуг героя поэзии Кучерявкина в места, географически и культурно связанные с биографией Пушкина, святые для русской культуры.

Деревенский досуг лирического героя Кучерявкина – чтение, прогулки, охота, беседы с друзьями – напоминает отдых дворян пушкинского времени, особенно стремящихся к естественности и свободе сельского существования. Деревня для героя Кучерявкина – это также отказ от условности цивилизации и службы, простой уют, беспечность, праздник. Герою Кучерявкина, как и герою Пушкина, даруется вдохновение, когда руки сами тянутся к перу, перо к бумаге. Особое место занимают осенние картины. Для Пушкина осень – милая любовница, для Кучерявкина – работница. Но для обоих поэтов осень – наиболее творческое время. Важной оказывается тема дружбы, приятельских пиршеств, бесцельного гуляния по лесу или берегу реки.

Вместе с тем, пушкинская элегичность нередко заменяется у Кучерявкина иронией и самоиронией, а пушкинские образы (избушка, версты) предстают гротескно. Герой Кучерявкина понимает временность деревенского беспечного существования, а возвращение в Петербург не страшит его, он не чувствует себя «опальным» или гонимым. Чувство своей нужности людям в качестве поэта и хранителя культурной памяти герой

Кучерявкина черпает в обращении к поэзии Пушкина. Потому и городок называет он – «Святые горы».

Литература

Веселова А.Ю. В темнице тела. Об одной загадке XVIII века // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Тверь : ТвГУ, 2001. URL: http://www.telenir.net/literaturovedenie/literaturnyi_tekst_problemy_i_metody_issledovaniya_8_motiv_vina_v_literature_sbornik_nauchnyh_trudov/index.php (дата обращения: 12.09.2016).

Кучерявкин В. Избранное. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. СПб. : «Борей-Арт», 2001.

Скидан А. Сумма поэтики. М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Строганов М.В. Строганов. Об употреблении вина: Пушкин и другие // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Тверь : ТвГУ, 2001. URL:

http://www.telenir.net/literaturovedenie/literaturnyi_tekst_problemy_i_metody_issledovaniya_8_motiv_vina_v_literature_sbornik_nauchnyh_trudov/index.php (дата обращения: 12.09.2016).

Пушкин А. Сборник стихов. М. : ТомСувенир, 2009.

Шифрин Б. Обнаружить нечто простое // Кучерявкин В. Избранное. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 5 – 19.

УДК 821.111-31(Дрэббл М.)
ББК Ш33(4Вел)63-8,44

П.А. Зелькина

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ ОБРАЗА «ЗОЛОТОГО ИЕРУСАЛИМА» В РОМАНЕ М. ДРЭБЛА

Аннотация. В статье рассматриваются литературные истоки образа золотого Иерусалима в романе М. Дрэбл. Автор статьи